

РЕЦЕНЗИИ

Е. Э. ЛИПШИЦ. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ. VIII—ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА IX ВЕКА. М.—Л., 1961, стр. 481, 40 илл.

Многочисленные исследования Е. Э. Липшиц в своем подавляющем большинстве связаны с историей Византии VIII—IX вв. Начав с изучения Земледельческого закона¹ и социальной борьбы в Византийской империи², исследовательница осветила затем сложный и мало изученный вопрос о судьбах византийских городов того времени³, а также проблемы развития византийского права⁴ и византийской культуры⁵. Вполне закономерно и то, что она в своих статьях затронула внутреннюю структуру византийского общества как в предшествующий период⁶, так и в последующее столетие⁷, — тем самым прослеживая основные тенденции развития общественного строя империи. Теперь все эти наблюдения и изыскания сведены воедино, развиты, дополнены и уточнены — и перед нами книга, охватывающая различные стороны жизни византийского общества в VIII и первой половине IX в.

Действительно, автор последовательно рассматривает общественно-экономические отношения (как в деревне, так и в городе), социальную структуру и административное устройство, общественные движения (преимущественно павликианство, иконоборчество и восстание Фомы Славянина), законодательство и право, литературу, науку и просвещение, живопись, зодчество, театр и музыку. Такое синтетическое исследование значительной исторической эпохи, исследование, охватывающее различные проявления общественной жизни, плодотворно прежде всего потому, что оно позволяет проследить закономерности общественного развития, проявляющиеся параллельно в самых разных областях, позволяет создать целостную картину эпохи.

Вместе с тем такое исследование крайне трудно, ибо оно должно охватить разнородные отрасли исторической науки: палеографию и археологию, историю математики и историю архитектуры. Изучение избранного Липшиц периода — вдвойне трудно, поскольку скудость источников VIII—IX вв. постоянно выдвигает перед историком неразрешимые проблемы и вынуждает довольствоваться отрывочными сведениями.

¹ Е. Э. Л и п ш и ц. Земледельческий закон и сельская община. Л., 1936; е е ж е. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС. М.—Л., 1945; е е ж е. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. ВВ, I, 1947; E. E. Lipsic. Byzanz und die Slaven. Weimar, 1951.

² Е. Э. Л и п ш и ц. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв. ВДИ, 1939, № 1; е е ж е. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в. ВВ, V, 1952. Некоторые замечания о восстании Фомы Славянина см. также в выступлении Е. Э. Липшиц на пленуме ГАИМК в 1933 г. (ИГАИМК, вып. 103, 1934, стр. 312 сл.).

³ Е. Э. Л и п ш и ц. К вопросу о городе в Византии в VIII—IX вв. ВВ, VI, 1953.

⁴ Е. Э. Л и п ш и ц. Несколько замечаний о Василиках как источнике. ВВ, XIV, 1958; е е ж е. Византийское законодательство и право VI—VIII вв. и вопрос о восточном характере византийского феодализма. М., 1960; е е ж е. О социальной сущности судебной реформы в Византии VIII в. «Византийские очерки». М., 1961.

⁵ Е. Э. Л и п ш и ц. Византийский ученый Лев Математик. ВВ, II, 1949; е е ж е. К вопросу о светских течениях в византийской культуре IX в. ВВ, IV, 1951.

⁶ Е. Э. Л и п ш и ц. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. ВДИ, 1955, № 4; е е ж е. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. ВВ, XIII, 1958; е е ж е. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма. ВИ, 1961, № 6.

⁷ Е. Э. Л и п ш и ц. К изучению экономики пригородов Константинополя в X в. ВВ, XIV, 1958; «Геопоники». М.—Л., 1960.

Рецензируемая книга пронизана последовательной концепцией, выработанной в ходе многолетних штудий и основанной на изучении источников и обширной литературы (список только наиболее важных использованных статей и книг занимает 30 страниц и сам по себе является полезной сводкой). Рецензенты могут согласиться или не согласиться с концепцией автора, но, бесспорно, эта концепция по-новому освещает всю историю полуторастолетнего периода жизни Византии.

Рассмотрим прежде всего концепцию Липшиц.

По мнению исследовательницы, первый период византийской истории приходится на IV—V вв., когда империя «вступила на путь становления феодализма». С конца V в. начинается «второй период в истории развития византийского феодализма», характеризующийся «преобладанием свободной крестьянской общины» (стр. 3). Если «на первом этапе число свободных крестьянских общин было относительно невелико», то уже к V—VI вв., по мере расселения варваров на территории империи, создалась «широкая прослойка свободных крестьянских общин» (стр. 23). Второй период (период преобладания свободной общины) продолжался до середины или до конца IX в. Соответственно Липшиц отвергает ставшее в последние годы традиционным представление о VII в. как об эпохе коренных изменений общественной структуры (стр. 15 и сл.).

В согласии с такой периодизацией Липшиц несколько раз подчеркивает сходство общественных отношений избранного ею периода и юстиановской поры: община с VI по середину IX в. отличалась общностью черт (стр. 56); как и в IV—V вв., основой могущества знати VIII—IX вв. является крупная земельная собственность (стр. 125); между колонами IV—VI вв. и париками не следует проводить принципиального разграничения (стр. 9, прим. 20); в истории византийского города в VII—VIII вв. не было «цезуры», «процесс феодализации византийского города начался уже в первый период византийской истории», и уже в ту пору «выросли новые средневековые центры» (стр. 90); происхождение фем связано с мероприятиями Юстиниана I (стр. 11, прим. 26); в VIII—IX вв. оставался в силе старый порядок взимания эпиболы (стр. 127); законодательство VIII в. лишь дополняет то, что было установлено законодательством VI в. (стр. 230), ибо проблемы VI в. «оставались актуальными в VIII в.» (стр. 242) и т. д.⁸

Но если общественные отношения в VIII и первой половине IX в. не отличались в принципе от общественных порядков, установившихся в империи еще с конца V столетия, естественно, ставится под сомнение традиционное представление об упадке византийской культуры в VII—IX вв. Это традиционное представление основано, по мнению Липшиц, «на некритическом восприятии явно тенденциозной характеристики иконоборческой культуры» в сочинениях византийских хронистов (стр. 259) — в действительности же научные занятия в Константинополе продолжались (стр. 260), творческая деятельность византийских писателей VIII—IX вв. была значительной (стр. 261), в их творчестве проявлялись «прогрессивные течения времени» (стр. 309) и «светские тенденции» (стр. 338), наконец, «известное оживление» можно констатировать также в области сценического и музыкального искусства (стр. 420).

Откуда проистекают эти «свежие веяния», пробивавшие «брешь в атмосфере традиционной догматики» (стр. 422)? По мнению Липшиц, «в результате массовых движений вся культура раннефеодальной Византии оказалась отмеченной рядом новых черт» (стр. 421); новые черты в живописи складываются в результате деятельности «наиболее прогрессивных элементов византийского общества» (стр. 408); в научной мысли находят отзвук крупные социальные движения, потрясавшие империю в то время (стр. 366), и наоборот, противники реформы выступают против «прогрессивных течений научной мысли» (стр. 295); наконец, под влиянием массовых движений предпринимаются попытки пересмотреть законодательство — идет борьба с открытыми злоупотреблениями, пересматривается система оплаты судопроизводства (стр. 422; ср. стр. 234 и сл.).

Движения, которые обусловили известный подъем культуры VIII—IX столетий, это прежде всего восстания славянских общин, павликианское движение и восстание Фомы Славянина, а также иконоборчество. Каков социальный состав этих движений? Павликианство было движением «эксплуатируемых масс византийского крестьянства» (стр. 163), одним из стихийных крестьянских движений эпохи феодализма (стр. 160); в восстании Фомы Славянина участвовали в первую очередь крестьянские массы и рабы (стр. 226 и сл.); крестьянская община являлась основной ячейкой сопротивления славян процессу феодализации (стр. 49). Более широким и сложным был социальный состав иконоборческого лагеря, искавшего поддержку народных масс (стр. 190), и в том числе городского населения (стр. 185).

Являясь заключительным этапом второго периода истории Византии (стр. 3), исследуемые полтора столетия несли в себе некоторые черты будущего: хотя преобла-

⁸ В этой связи между прочим, представляется недостаточно аргументированным выбор хронологических рамок самого исследования; если данный исторический период — а в этом суть новой концепции — охватывает время с конца V по конец IX в... разве не было бы более целесообразным рассмотреть в монографии весь этот период?

дание свободной крестьянской общины выступает как характерная черта этого этапа, все же уже сложились крупные поместья византийских феодалов с тысячами зависимых людей (стр. 105), появились феодальные институты (стр. 421) — ранние формы иммунитета — *экскуссии* (стр. 39, 49) и *пронии* (стр. 245).

Такова в основных чертах концепция Липшиц — концепция целостная и последовательная, представляющая историю византийского общества в ее противоречивой динамике. Традиционному взгляду на иконоборческий период как на «темные века» византийской истории автор противопоставляет новое воззрение: он стремится выявить пути социально-экономического развития, установить черты прогрессивного в идеологии, показать высокий уровень культуры тех времен. Липшиц использует диалектический метод, она стремится рассмотреть общественные явления в развитии, выявить разноречивые тенденции разных социальных, политических и идейных группировок.

Перейдем к рассмотрению отдельных разделов рецензируемой книги.

Как уже было сказано, Липшиц начинает второй период в истории византийского феодализма с конца V в. Именно с этого времени, полагает она, широко распространяются по территории империи свободные крестьянские общины. Общины эти существовали кое-где и раньше, но широкое распространение их рассматривается Липшиц как результат внешних процессов, как результат расселения варваров. Поэтому она и начинает свою книгу с главы об этнических изменениях в Византии — речь идет там главным образом о расселении славян.

В последнее время факт упрочения мелкой свободной собственности в недрах Поздней Римской империи все больше и больше обращает на себя внимание исследователей: с этим фактом, например, связано отмирание государственной собственности на землю в Египте в IV в., распространение мелкой собственности в Северной Сирии начиная с IV в.⁹ Подобные явления позволяют ставить вопрос о том, что упрочение мелкого землевладения не явилось *только* результатом вторжения варваров, но отвечало определенным внутренним тенденциям позднеримского общества, которые дали себя знать, кстади сказать, задолго до конца V в., когда, по мнению Липшиц, начинается второй этап византийской истории. Здесь, однако, не место для детальной полемики с автором как по вопросу о дате, с которой начинается укрепление мелкой собственности, так и по вопросу о причинах перехода к новому этапу, поскольку сама Липшиц не аргументирует этих своих положений. Поэтому я прямо перехожу к вопросу о варварских вторжениях, отметив лишь, что, по моему мнению: 1) одними внешними факторами распространение свободной общины не может быть объяснено; 2) избранная автором дата (конец V в.) противоречит ранее сделанным наблюдениям, позволявшим начинать этот процесс уже с IV столетия.

В первой главе Липшиц после краткой характеристики нескольких городищ и селищ Фракии и Мизии (стр. 24—26)¹⁰ приступает к рассмотрению данных источников о вторжении славян — вплоть до выходящего за хронологические рамки книги рассказа о восстании милингов и езеритов в X в. (стр. 47). Автор справедливо отсылает читателя (стр. 27, прим. 16) к статье А. А. Васильева («Славяне в Греции»), где содержится «сводка данных» о славянских вторжениях; вместе с тем Липшиц значительно расширяет в сравнении с Васильевым круг сведений о вторжениях славян — частично за счет привлечения известий о расселении славян в Македонии (Васильев оставил северные районы вне рассмотрения), частично же за счет новых материалов.

Пересмотр и дополнение данных Васильева — насущная задача, и можно приветствовать всякую попытку это сделать. Жаль лишь, что в книге Липшиц встречаются некоторые неточности. Например, велегезиты (точнее — велейезиты-вельзиты¹¹) снабжали средствами пропитания не Фивы и Димитриаду и не во время осады 626 г. (стр. 30), а Солунь в 674—677 гг.¹² (эту же осаду на стр. 37 Липшиц вслед за старой работой Тафеля датирует 677—680 гг.). Начало правления Константа II — не 642 (стр. 33), а 641 г. На стр. 28 и сл. Липшиц, ссылаясь, в частности, на П. Хараниса и

⁹ См., например, А. С. Johnson, L. C. West. *Byzantine Egypt*. Princeton, 1949, p. 19 f.; P. Lemerle. *Esquisse pour une histoire agraire de Byzance*. «Rev. hist.», t. 219, 1958, p. 42, n. 5. Ср. также А. П. К а ж д а н. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. ВДИ, 1953, № 3, стр. 97—104. Впрочем, видимо, и в первые века нашей эры общины играли большую роль, чем это можно было до сих пор предполагать (см. И. С. Свенцицкая. Сельская община Малой Азии в I—III вв. н. э. ВДИ, 1961, № 3, стр. 61 и сл.).

¹⁰ К сожалению, вопрос об этнической принадлежности населения этих городищ в книге не поставлен. Надо, однако, отметить, что по мнению В. Велкова («Градът в Тракия и Дакия през късната античност»). София, 1959, стр. 140), в этих городищах и селищах были найдены «античные земледельческие орудия».

¹¹ Липшиц называет их то «велегезитами» (стр. 30), то «вельзитами» (стр. 43, прим. 81).

¹² «Византиски извори за историју у народа Југославије», 1, Београд, 1955, стр. 204.

Д. Моравчика, датирует Монеувасийскую хроникку «не позже конца IX — начала X столетия» — в действительности же эта хроника датируется концом X—XI в. (она не могла быть написана до правления Никифора Фоки)¹³.

Далее, археологические и топонимические материалы изложены крайне суммарно. Встречаются такие весьма общие фразы: «Интересные археологические материалы о славянских поселениях в Северной Греции (Фессалия) в VII в. были опубликованы Вернером» (стр. 29)¹⁴, или: «Интересные данные по славянской топонимике приведены в книге V a s m e r. Die Slaven» (стр. 27, прим. 27)¹⁵. Эти материалы, отсутствующие в статье Васильева, заслуживали бы более детального рассмотрения.

Некоторые важные проблемы византино-славянских отношений остались в этой главе нерассмотренными. Например, Липшиц подробно говорит о подчинении славян Византии и о их восстаниях против византийской власти, однако она не ставит вопроса о существовании самостоятельных славянских княжеств на территории империи. Думается, прав И. Дуйчев, когда он пишет о возникновении «подлинных славянских княжеств» в разных частях Византии¹⁶.

Наконец, приведенные Е. Э. Липшиц данные о славянских вторжениях противоречат предложенной ею периодизации. Действительно, второй период в истории Византии, характеризующийся распространением свободной общины в результате славянских вторжений, она начинает уже с конца V в. (стр. 56), а первые данные об «оседлых славянских поселениях» (стр. 27) сама Липшиц относит только к середине VI в. При этом нельзя не видеть, что и эти приводимые данные весьма сомнительны¹⁷.

Итак, если Липшиц стремится связать со славянскими вторжениями начало нового этапа в истории Византии¹⁸, то конец V в. является неподходящей гранью. Расселение славян на территории к югу от Дуная, начавшееся не ранее середины VI в. (а скорее всего, во второй его половине), могло заметно сказаться на общественные отношения в империи лишь в VII столетии¹⁹. Недаром на стр. 361 сама Липшиц пишет «о глубоких потрясениях, которые переживала империя в VII в.»

Вторая глава рецензируемой книги посвящена аграрным отношениям в VIII—IX вв.

Для характеристики крестьянской общины Липшиц использует прежде всего Земледельческий закон, который она убедительно рассматривает как «запись офи-

¹³ См. P. Charanis. The Chronicle of Monemvasia. DOP, 5, 1950, p. 144; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958, S. 237. Ср. также не использованную Липшиц работу: E. Chrysanthopoulos. Περί τοῦ «χρονικῆς τῆς Μονεμβασίας». БВВΣ, 21, 1959, с. 238.

¹⁴ При этом Липшиц ссылается на работу: J. Werner. Slawische Bronzefiguren aus Nordgriechenland. Berlin, 1953. В работе Вернера, однако, исследуются вовсе не славянские поселения (как пишет Липшиц), а клад зооморфных бронзовых бляшек.

¹⁵ О славянской топонимике и ономастике в Греции см. также F. Dölger. Ein Fall slavischer Einsiedlung im Hinterland von Thessalonike im 10. Jhd. SBAW, 1952, H. I, S. 3 (с указанием литературы).

¹⁶ I. Dujčev. Les Slaves et Byzance. Études historiques, I. Sofia, 1960, p. 34.

¹⁷ Для доказательства этого положения Е. Э. Липшиц ссылается прежде всего на статью В. Тыпковой-Займовой «Нападения «варваров» на окрестности Солуни в первой половине VI в.» (ВВ, XVI, 1959), использовавшей «Лимонарь» Мосха. Но, во-первых, в «Лимонаре» идет речь о «варварах» вообще, а не конкретно о славянах; во-вторых, «Лимонарь» ничего не знает о «массах славян, которые бродили, постепенно оседая», как полагает Липшиц (стр. 27), в окрестностях Солуни, — по словам Тыпковой-Займовой (указ. соч., стр. 6), речь идет о «небольших нападениях, которые совершались скорее с целью грабежа», — и это только «наводит на мысль, что еще ранее середины VI в. имелись массы славян, которые бродили, постепенно оседая, во внутренних областях империи» (там же, стр. 7). Опустив слова «наводит на мысль», Липшиц превратила догадку Тыпковой-Займовой в твердо установленный факт. Еще менее удачна ссылка Липшиц в доказательство своего тезиса на Прокопия — De bello Gothico, I, 27. 2 sq. (стр. 27, прим. 20), потому что Прокопий в этом месте говорит о гунах, склавинах и ангах, живущих по другую сторону Истра (οἱ ὑπὲρ ποταμὸν Ἰστρου), недалеко от его берега. Далее (стр. 28) следует ссылка на известную статью Васильева, но там на указанной странице (409) мы найдем уже факты, относящиеся к концу 70-х годов VI в., когда, по словам Иоанна Эфесского, славяне действительно расселились в Греции, «как в своей собственной земле». Зато Липшиц не привлекает достоверного известия Прокопия (De bello Gothico, III, 14.32) о поселениях аятов около 540—544 гг. в задунайской крепости Туррис в качестве федератов империи (см. I. Dujčev. Op. cit., p. 33).

¹⁸ Что касается вторжений других народов — бастарнов, готов, сарматов и других — то их Липшиц определенным образом относит к «первому периоду существования Византии» (стр. 50 и сл.).

¹⁹ На стр. 49 автор с гораздо большими основаниями относит «распространение славянских общин» преимущественно к VI—VII вв. На территории Румынии сла-

циально признанного империей обычного права» (стр. 54), как «памятник обычного права, получивший официальное признание» (стр. 250)²⁰, и возникновение которого она относит к началу VIII в.²¹ (стр. 54). При этом Липшиц делает чрезвычайно важное замечание: «Вероятное время издания Закона (начало VIII в.) поэтому отнюдь не совпадает со временем сложения обычаев и порядков, которые получили в нем свое законодательное официальное признание» (стр. 54, ср. стр. 69). Я в полной мере согласен с этим выводом Липшиц. Однако последовательное признание этого вывода ставит, как мне кажется, автора рецензируемой книги в затруднительное положение: действительно, если Земледельческий закон возник в начале VIII в., а отраженные в нем общественные порядки сложились *еще ранее*, то, строго говоря, его свидетельства ведут нас прежде всего все в тот же век больших общественных сдвигов — в VII век²².

Липшиц была первым исследователем византийской сельскохозяйственной техники²³. В рецензируемой книге она снова возвращается к этому вопросу, решительно настаивая на том, что в Земледельческом законе отразилось «широкое, хотя и не исключительное, применение лядной системы хозяйства» (стр. 57; ср. стр. 59 и сл.). К сожалению, Липшиц не имела возможности воспользоваться специальной статьей Н. К. Кондова (опубликованной всего за несколько месяцев до выхода в свет ее книги), который пришел к выводу, что на Балканском полуострове не существовала подсеčno-огневая система полеводства²⁴; действительно, те факты, которые приводит Липшиц, говорят лишь о применении огня в мелiorативных целях, при расчистке леса, а не при обработке почвы для ее кратковременного использования (как при лядной системе)²⁵.

Вяньские поселения засвидетельствованы лишь с конца VI в. (В. В. Каракулаков. Проблема образования румынского языка и народа. ВДИ, 1962, № 1).

²⁰ На стр. 250 Липшиц, полемизируя с Ф. Дэльгером, подчеркивает вслед за В. Г. Васильевским «официальный повелительный стиль» этого памятника. Мне непонятно это утверждение: действительно, чем отличается стиль Земледельческого закона от формулировок Салической правды? Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть обилие в этом небольшом памятнике повторений, что как раз характерно для обычного права. Так, ст. 38 устанавливает, что человек, который уьет чужого быка, осла или овцу, застигнутых при потраве, должен возместить их хозяину; ст. 48 требует, чтобы крестьянин, задержавший быка при потраве и искалечивший его, выдал хозяину другого; согласно ст. 53, тот, кто уьет животное при первой или второй потраве, должен вернуть хозяину такое же; наконец, ст. 85 гласит, что человек, убивший чужого быка, застигнутого при потраве чужого виноградника, обязан заплатить полную цену. Все четыре статьи, разбросанные в разных частях закона, трактуют по сути дела один и тот же казус. Вместе с тем, в Земледельческом законе встречаются и внутренние противоречия. Так, непредумышленная порча или убой чужой скотины здесь не карается (ст. 23, 26, 27, 37, 43), а предумышленная предполагает обычно *restitutio* — не только если скотина убита при потраве, но и в других случаях (ст. 30, 74), в частности при использовании арендованного быка на работе, не обусловленной договором (ст. 37). Но Земледельческий закон знает и другую норму, принципиально отличную от простой *restitutio*: человек, убивший быка в лесу, присуждается к отсечению руки (ст. 44). Крестьянин, запахавший и засеявший чужой участок и даже вырубивший на нем деревья, лишь лишается урожая (ст. 1, 2, 20), тогда как земледелец, выгнавший скот в виноградник до уборки урожая соседями, помимо *restitutio*, присуждается к суровому наказанию бичом (ст. 79, отсутствующая в некоторых списках, например в Ambros. M. 68 sup., изданном Ферривини). Таким образом, в Земледельческом законе бок о бок существуют две шкалы штрафов: одна — характерная для варварского права *restitutio*, другая — близкая к Эклоге система членовредительских наказаний.

²¹ В этой связи следует напомнить, что прежде Липшиц («Византийское крестьянство...», стр. 105) склонялась к тому, чтобы датировать Земледельческий закон *второй* половиной VIII в.

²² Поставленный в последние годы вопрос о *месте* возникновения Земледельческого закона Липшиц излагает лишь мимоходом. Она ссылается на старую работу Г. Ф. Шмида (стр. 55, прим. 13), где тот высказал совершенно произвольную мысль о возникновении Земледельческого закона в Южной Италии; большего внимания, однако, заслуживает его новая гипотеза о том, что наш памятник сложился в Малой Азии (H. F. Schmid. Byzantinisches Zehntwesen. «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft», 6, 1957); для решения вопроса о *месте* возникновения Земледельческого закона следует еще учесть отсутствие в нем упоминаемых лошадей и оливок. Отметим попутно ценное наблюдение Липшиц об отсутствии в Законе «специфически славянских терминологий» (стр. 54).

²³ См. Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство... , стр. 105 и сл.

²⁴ Н. К. Кондов. К вопросу о системе полеводства в болгарских и соседних с ними землях Балканского полуострова в средние века. ВВ, XX, 1961, стр. 5 и сл.

²⁵ На стр. 57 в прим. 19 Липшиц ссылается в этой связи на восемь статей Земле-

Более существенное значение для решения вопроса о лядной системе имела бы ст. 12, где предполагается (хотя и осуждается) такая обработка земли, когда крестьянин, не вспахав поле, разбрасает по нему семена. Липшиц не обратила внимания на эту статью, а она, может быть, станет понятной при допущении каких-то элементов подсечно-огневой системы полеводства. К тому же, в отличие от более ранних и более поздних памятников, говорящих о прочных оградах между участками²⁶, Земледельческий закон (ст. 50, 51, 58) упоминает только частокол и ров вокруг сада и виноградника, — тогда как поля еще не окружались оградами. Этот вопрос также нуждался бы в рассмотрении.

Интересна и убедительна общая характеристика γεωργία Земледельческого закона как крестьян-общинников (стр. 66 и сл.) и постановка вопроса о дуализме общины (стр. 73); следует в этой связи сделать лишь два частных замечания.

Вопрос о периодических переделах решается, на мой взгляд, противоречиво: на стр. 67 Липшиц пишет: «О существовании периодических переделов земли в Законе и современных ему источниках никаких упоминаний не имеется». На стр. 69 она соглашается с М. Я. Сюзюмовым, который анализировал решение магистра Косьмы о разделе и отверг тезис о периодических переделах. И все же Липшиц соглашается с Сюзюмовым крайне неохотно: «Если даже признать, — пишет она, — возможность истолкования второго решения Косьмы. . ., как это предлагает М. Я. Сюзюмов, все же это еще не решает дела о значении ст. 8 Земледельческого закона» (стр. 68). Для того, чтобы эти оговорки стали понятными, напомним, что в 1945 г. Липшиц гораздо определеннее оценивала свидетельское решение Косьмы: «Заметка Косьмы, — писала она, — несомненно, указывает на реально происходивший на практике даже и в позднейшую, чем Земледельческий закон, эпоху передел всей общинной земли»²⁷; да еще и в статье 1961 г. Липшиц допускала существование передела в общине времен Земледельческого закона²⁸.

Думается, что этот вопрос может быть решен значительно более определенно, чем это сделано в рецензируемой книге. Сам Закон никаких данных о переделах не содержит — напротив, ст. 5, как это хорошо известно автору²⁹, говорит об обмене земель навсегда, εἰς τὸ διηνεκές. Решение магистра Косьмы, на которое Липшиц так определенно опиралась в 1945 г. и которое она теперь, после критических замечаний Сюзюмова, толкует более осторожно, также отнюдь не имеет в виду переделов. Это доказывается, в частности, грамотой 943 г. о разделе земли (διαχωρισμὸν τῆν γῆν) между монахами Афона и жителями κάστρων Иерисс, проведенном согласно «решению (ψήφος) знаменитого магистра Косьмы»³⁰; следовательно, современники Косьмы отнесли его постановление именно к разделу неподделенных земель, а не к переделам внутри общины. В том же значении «раздел» употребляют термин μερισμός (лат. merissi или merissi divisionis) другие документы X в.³¹ Поэтому у нас нет оснований говорить о переделах в византийской деревне VIII—X вв.

Нечетко формулирует Липшиц свой взгляд на объем прав крестьянина на его землю (стр. 66). Крестьяне, по ее словам, «имели право полного распоряжения», хотя закон и не упоминает «о возможности полного отчуждения». Из сказанного неясно, было ли у крестьян право отчуждать землю, просто не упомянутое в Законе, или же у них не было этого права вовсе. Проблема эта очень четко поставлена Сюзюмовым³².

Земледельческого закона, на стр. 60 — еще на три. Из них ст. 23 и 72 вообще не упоминают ни об огне, ни о лесе, ст. 17, 20, 39, 40, 44 (у Липшиц ошибочно — 43) — просто упоминают лес, ст. 58, 64, 65 карают за преднамеренное сжигание чужой ограды, стога или сарая и, следовательно, никакого отношения к лядной системе не имеют; ст. 56 говорит о разведении огня в лесу или в поле, что опять-таки не связано ни с лядной системой, ни даже с расчисткой леса. Единственная статья, которая как-то позволяет догадываться о возможности использования огня при расчистке (ст. 57), автором не приводится. Тем не менее Липшиц делает вывод: «Текст Земледельческого закона, таким образом, ярко свидетельствует о наличии лядной системы хозяйства» (стр. 59, прим. 23); лядная система «ярко и выпукло» отразилась в Законе (стр. 57).

²⁶ Ph. Koukoullès. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός, т. V. Ἀθήναι, 1952, σελ. 247 ἐξ.

²⁷ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство. . ., стр. 120.

²⁸ Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах. . ., стр. 102, прим. 22.

²⁹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство. . ., стр. 117. В рецензируемой книге ст. 5 не цитируется in extenso.

³⁰ G. Rouillard, P. Collomp. Actes de Lavra. Paris, 1937, № 5, 4—8.

³¹ См. А. П. Казадан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 31, прим. 28.

³² М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону, ВВ, X, 1956, стр. 35.

Вопрос о крупной земельной собственности трактуется Липшиц не только в соответствующем параграфе второй главы, но и в некоторых других разделах книги: так, экскурсия характеризуется в главе о славянских вторжениях (стр. 39), ранняя прория — в разделе о законодательных памятниках (стр. 245), об аренде у духовных собственников, о мистиях и рабах сказано в параграфе, посвященном крестьянской общине (стр. 72 и сл.), о поместьях с «тысячами зависимого люда» не упоминается в параграфе о крупной собственности — зато о них говорится в главе о городе (стр. 105). Основной тезис, который автор стремится доказать, сформулирован на стр. 86: «Можно констатировать факт наличия в VIII—IX вв. . . крупного церковно-монастырского и крупного и среднего светского землевладения» (ср. также стр. 77). Мне кажется, что самый факт наличия крупного и среднего землевладения в VIII—IX вв. не вызывает сомнений³³ — проблема заключается в том, чтобы, во-первых, выяснить, сколь значительным было сокращение крупной собственности в сравнении с предыдущими веками³⁴, и, во-вторых, определить, являлась ли эта собственность *феодалной*.

Первый вопрос в рецензируемой работе не изучен. По-видимому, это вытекает из общей концепции Липшиц, рассматривающей, как мы видели, весь период от конца V до середины IX в. как нечто единое. При этом, как мне кажется, автор несколько преувеличивает масштабы крупной собственности VIII—IX вв., когда говорит, что в ту пору существовали крупные поместья византийских феодалов с *тысячами* зависимых людей. Жаль, что, упоминая об этих поместьях на стр. 105, исследовательница не указывает, откуда она почерпнула эти цифры.

Рассмотрим некоторые свидетельства источников, на основании которых Липшиц воссоздает картину крупной земельной собственности VIII—IX вв. Это прежде всего ст. 9—10 Земледельческого закона, в которых, «может быть», имеются в виду крупные землевладельцы (стр. 71). Думаается, однако, что основания для такого заключения слишком шатки: действительно, морта, встречающаяся в этих статьях, не являлась специфической рентой в пользу духовного собственника, как полагал Васильевский; ближайший по времени к Закону документ, упоминающий морту, — грамота 1008 г., где получателями морты выступают светские и отнюдь не очень богатые собственники³⁵; ничего не доказывает и сакральный характер наказания (стр. 72) — формулировка этого сакрального наказания носит неканонический характер³⁶ и, следовательно, не должна непременно относиться к сфере церковно-монастырской собственности.

«Житие Филарета Милостивого» также отнюдь не является бесспорным свидетельством в пользу существования крупной собственности в VIII в. (стр. 77 и сл.). К сожалению, Липшиц не упоминает о возражениях, которые были выдвинуты Г. А. Острогорским³⁷ и другими исследователями против принятого ею толкования этого жития: напомним, что отец Филарета был крестьянином, а все владения Филарета помещались на территории *одной* деревни, где, кроме него, было много крестьян и «династов».

Нельзя признать обоснованным и принятое Липшиц число византийских монахов (стр. 81) — ссылка на авторитет И. Д. Андреева представляется недостаточной. Грамота 897 г., которую подробно анализирует Липшиц (стр. 81 и сл.), строго говоря, относится уже к следующему периоду. «Акты шестидесяти иерусалимских мучеников», на которые вслед за Л. Брейе ссылается Липшиц (стр. 78), не могут служить источником для изучения крупного землевладения, ибо они говорят о богатствах знати, но в них нет ничего, относящегося к земельной собственности.

В том же параграфе Липшиц упоминает и о стратиотских участках (стр. 79), что представляется несколько неожиданным, ибо 1) стратиотов (до реформы Никифора Фоки) принято относить к крестьянам³⁸; только со второй половины X в. образуется прослойка стратиотов-рыцарей³⁹; 2) последние работы П. Лемерля и И. Караянно-

³³ См., например, М. Я. С ю з о в о в. Проблемы иконоборчества в Византии. «Уз Свердловского пед. ин-та», 4, 1948, стр. 56.

³⁴ Количественное сокращение крупной собственности допускают даже последовательные антиэволюционисты (P. L e m e r l e. Esquisse. . . , Rev. hist., t. 219, 1958, p. 62, 74; F. D ö l g e r. Der Feudalismus in Byzanz. «Vorträge und Forschungen», 5, 1960, S. 187).

³⁵ F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 109.

³⁶ Н. F. S c h m i d. Byzantinisches Zehntwesen, S. 59.

³⁷ G. O s t r o g o r s k y. [Рецензия на книгу Ж. Руйар]. BZ, 47, 1954, S. 422.

³⁸ Например, G. O s t r o g o r s k i j. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 11.

³⁹ Правда, на стр. 122 Липшиц утверждает, что Эклога изображает стратиотов «сословием, значительно возвышавшимся над крестьянской средой», но, к сожалению, не приводит соответствующего текста. Стратиотское имущество упоминается в XVI титуле Эклоги, посвященном имуществу так называемых подвластных лиц (ὀψεξοῦσται); этот титул передает нормы Юстинианова права (см. K. E. Z a c h a r i ä von L i n g e n t h a l. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Aalen, 1955,

пулоса поставили под сомнение традиционное представление о существовании системы стратиотских надделов в VIII и первой половине IX в.⁴⁰, — однако Липшиц не рассматривает их аргументации и даже не упоминает об их взглядах.

Крупную особенность VIII—IX вв. Липшиц безошибочно характеризует как феодальную: парики того времени были феодально-зависимыми крестьянами (стр. 86), приписанные к монастырским и церковным имениям крестьянские общины уплачивали феодальную ренту (стр. 87), уже сложилась экуссия и зарождалась прония — феодальные институты. Однако источники не дают оснований для заключений подобного рода.

Парики не упоминаются в документах VIII в. и почти не упоминаются в документах первой половины IX в. Надпись 834 г., на которую опирается Липшиц (стр. 86), вызывает, однако, серьезные подозрения, ибо она известна лишь в копии, опубликованной в 1554 г.⁴¹ В традиционном библейском значении «присельник» употреблено это слово и в некоторых житиях⁴², и в одном из приложений к Эклоге — в Законах Моисея (стр. 85; неточно, однако, замечание на стр. 241, откуда можно понять, что термин парик будто бы «изредка» встречался в самой Эклоге). Остается только одно упоминание париков — в рассказе Феофана о том, что Никифор I (802—811) приказал взимать капникон с париков императорских монастырей и других духовных учреждений. Нетрудно видеть, что этого единственного упоминания париков недостаточно, чтобы признать их феодально-зависимыми крестьянами: трижды разбирая этот пассаж Феофана (стр. 85, 118, 255), Липшиц нигде, однако же, не упомянул о суждении Сюзюмова, считавшего, что Феофан употребил термин «парик» в традиционном библейском значении этого слова⁴³.

Зависимыми крестьянами Липшиц считает, помимо париков, также мистиев, апоров и мортигов (стр. 121). Что касается апоров, то она сама признает этот термин «глухим и малообразительным» (стр. 241); о зависимости мортигов мы совершенно ничего не знаем; говоря о мистиях, Липшиц не упоминает о критических возражениях на этот счет⁴⁴ и по-прежнему настаивает на том, что «мистий, по сути дела, находился в полной зависимости от своего господина» (стр. 238).

Суждение Липшиц о феодальной ренте основано опять-таки на единственном документе — на рассказе Константина Багрянородного о восстании патрасских славян и о прикреплении их к митрополии св. Андрея. По мнению Липшиц, на славян были возложены «оброки и повинности» (стр. 45); защищая свою точку зрения, Липшиц пишет: «Не более убедительно и утверждение А. П. Каждана («Деревня и город», стр. 66) об отсутствии между крестьянами и митрополиями каких-либо рентных отношений, основанное на неполной интерпретации всего контекста» (стр. 45, прим. 82). Вернемся, однако, еще раз к тексту Константина Багрянородного. По его словам, на патрасских славян была возложена повинность, которая прежде лежала на митрополии св. Андрея, — принимать и кормить стратигов и иных чиновников. Название такой повинности хорошо известно — постой; ничего специфически феодального в ней нет. Об «оброках и повинностях», «которые шли полностью в пользу церкви» (стр. 45), в тексте Константина Багрянородного нет ни слова⁴⁵.

S. 110) [Липшиц (стр. 243), перевода заголовок XVI титула, опускает слово *ὑπεξούσιοι*, а технический термин *καστρέσια κέρδη* (*bona castrensia*) передает: «воинское (точнее лагерное. — Е. Л.) сваряжение».] Из Эклоги (XVI, 1) следует, что *στρατιωτικὰ πελοῦλα* — это римское *peculium castrense*, т. е. имущество, приобретенное «подвластными» и находившееся в их полном распоряжении — вплоть до права завещать его. Ничего общего со стратиотскими участками X в. *peculia castrensia* Эклоги не имели. В доказательство того, что стратиоты «значительно возвышались над крестьянской средой», Липшиц (стр. 122) ссылается на титул VIII, но 1) в титуле VIII (§ 7) упоминаются не стратиоты, а *στρατεῦόμενοι* (это более широкое понятие, включившее клириков, харчуляров и пр., — см. Эклога, XVI, 3—4); 2) эти лица выступают в VIII, 7 как *вольноотпущенники*, которые могут быть возвращены в рабство.

⁴⁰ P. Lemerle. Esquisse. . ., «Rev. hist.», t. 220, 1958, p. 65 sq.; J. Kaganopoulos. Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. München, 1959, S. 81 f.

⁴¹ См. P. Lemerle. Esquisse. . ., «Rev. hist.», t. 220, 1958, p. 87, n. 4.

⁴² «Житие Стефана Нового» (PG, t. 100, col. 1120 B); «Житие Евдокима» (изд. Х. Лопарев. ИРАИК, XIII, 1908, стр. 210. 18); «Житие Николая Студита» (PG, t. 105, col. 908 B).

⁴³ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества. . ., стр. 77, прим. 38.

⁴⁴ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины, стр. 41 и сл.; А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI вв. «УЗ Тульского пед. ин-та», 2, 1951, стр. 79.

⁴⁵ Отмечу попутно противоречивую датировку патрасских событий: на стр. 46 они отнесены к промежутку между 802 г. и февралем 806 г., на стр. 226 — к 807 г. (ср. стр. 72, прим. 57).

Существование «феодалного иммунитета-экскуссии» (стр. 49) доказывается также с помощью одного свидетельства источника — надписи Юстиниана II в пользу солунского храма св. Димитрия, не упоминающей к тому же термина «экскуссия». По словам Липшиц, постановление Юстиниана «предусматривает полное освобождение храма и клира его от каких-либо тягот в пользу военных и вообще от каких-либо налогов» (стр. 39 и сл.); в действительности же церковь св. Димитрия получила всего лишь право употреблять на собственные нужды, не уплачивая никаких пошлин, доходы от соляных промыслов⁴⁶. Разумеется, от такой податной привилегии⁴⁷ еще очень далеко до феодалного иммунитета, являвшегося одной из форм внеэкономического принуждения.

Пожалование солемниев (о чем упоминает Эклога) также нельзя рассматривать как феодальный институт, хотя Липшиц права, говоря о генетической связи между солемнием и пронией (стр. 245). Ранние солемнии были ежегодными пожалованиями государственных средств монастырям или светским лицам⁴⁸ — отнюдь не обязательно «пожалованиями доходов с угодий» «на условиях несения государственной службы», как предполагает Липшиц. Недаром Эклога (XVI, 4) ставит их рядом с ругой и аннонами, т. е. с денежными и натуральными выдачами чиновникам и воинам.

Характерной особенностью византийского феодализма Липшиц считает наличие «централизованной ренты, совпадающей с налогом» (стр. 118), но, к сожалению, уделяет этому важному вопросу незначительное место. Ниже, на стр. 226, в связи с описанием восстания Фомы Славянина упоминается «так называемое „свободное“ крестьянство», которое, пишет Липшиц, «как было показано», являлось одной из наиболее значительных групп сельского населения. Но это не только не было показано, но и самый термин «так называемое „свободное“ крестьянство»⁴⁹ упоминается на стр. 226 впервые. Читатель может только догадываться, что эта категория крестьян платила централизованную ренту.

В последнее время проблема централизованной ренты все более привлекает внимание византистов; многие исследователи признают ее существование в тот период, которым занимаются: Липшиц считает, что централизованная рента играла большую роль в VI—IX вв. (стр. 118, прим. 1); я старался показать, что она была характерна для IX—X столетий⁵⁰; Г. Г. Литаврин утверждал, что она складывается лишь к XI—XII вв.⁵¹ Думается, что при таких разногласиях необходимо прежде всего определить критерии, позволяющие говорить о наличии феодальной централизованной ренты и об отличии ее от обычных налогов (подобную задачу ставит, в частности, указанная монография Литаврина), однако в рецензируемой работе нет попытки наметить такие критерии и доказать феодальный характер централизованной ренты VI—IX вв.

Липшиц принадлежит заслуга первой постановки вопроса о судьбе византийских городов в VIII—IX вв. Этому вопросу, специально рассмотренному в ее статье, опубликованной в 1953 г. (см. выше, прим. 3), посвящена следующая (третья) глава рецензируемой книги. Основной вывод сформулирован на стр. 89; по мнению автора, источники «свидетельствуют не только о существовании в VII—IX вв. значительного числа городов, но и о строительстве новых» (ср. стр. 115 и сл.). Вместе с тем Липшиц подчеркивает, что византийские города VIII—IX вв. были средневековыми по своему характеру (стр. 116).

Эти взгляды Липшиц вытекают из ее общей концепции, согласно которой феодальные отношения вообще (и в городах в частности) сложились уже во всяком случае к концу V в. и сохранялись без какой-либо коренной перестройки на протяжении всего второго периода византийской истории.

С 1953 г., когда эти взгляды были ею сформулированы, появился ряд работ, затрагивавших историю византийских городов VIII—IX вв., где авторы отстаивали иные взгляды. В том же 1953 году Д. Закифинос высказал мысль о том, что значительная часть греческих городов исчезла «в темный и критический период VII—VIII вв.»⁵² В 1954 г., основываясь на нумизматическом и археологическом материале, я пришел к выводу, что, помимо Константинополя, лишь немногие города (Солунь, Эфес, Ни-

⁴⁶ См. подробно А. П. К а ж д а н. Экскуссия и экскуссаты в X—XII вв. «Византийские очерки». М., 1961, стр. 210 и сл.

⁴⁷ Известия о податных привилегиях VIII—IX вв. сохранились и в некоторых других памятниках, например в «Житии Давида, Симеона и Георгия» (АВ, 18, 1899, р. 251. 29—32).

⁴⁸ Ряд примеров из X в. см. F. D ö l g e r. Regesten der Kaiserurkunden, T. I. München—Berlin, 1924, № 600, 648, 705.

⁴⁹ Об этом термине см. К. А. О с и п о в а. Положение крестьянства в Византии в X в. Автореферат канд. дисс. М., 1953, стр. 6.

⁵⁰ А. П. К а ж д а н. Деревня и город. . . , стр. 138 и сл.

⁵¹ Г. Г. Л и т а в р и н. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 212 и сл. (особенно стр. 215).

⁵² D. Z a k y t h i n o s. Le despotat grec de Morée, t. II. Athènes, 1953, p. 147.

жея) сохранились после VII в.⁵³ Э. Кирстен писал в 1958 г.: «Как в Западной Европе, так и в Византии античная урбанизация исчезла в эпоху переселения народов»⁵⁴. Наконец, в 1960 г. я постарался показать, что история ремесленного производства в Византии также свидетельствует об упадке города в VIII—IX вв.⁵⁵ Об экономическом упадке городов в названные столетия писали авторы специальных исследований, посвященных Херсону⁵⁶, Коринфу и Афинам⁵⁷.

Липшиц останавливается на новой гипотезе (стр. 87 и сл.), но, не упоминая о работах Закифиноса, Кирстена и др., приписывает мне одному честь ее разработки. В книге Липшиц нет поэтому критики аргументов, выдвинутых Закифиносом, Кирстеном и А. Л. Якобсоном (она не упоминает о монографии Якобсона даже на стр. 94, где идет речь специально о византино-херсонских отношениях). Нет у Липшиц и развернутой полемики с моими взглядами: «не вдаваясь здесь в детальное рассмотрение вопроса, требующего специальных исследований», автор объявляет эту гипотезу «малоубедительной по следующим важнейшим соображениям» (стр. 88).

Первый тезис Липшиц: нумизматический материал носит случайный характер. Бесспорно — но ведь куда более случайный характер носят деловые документы; от всего IX в. сохранилась единственная купчая грамота 897 г., что не мешает, однако, Липшиц использовать ее, хотя, строго говоря, мы не знаем, в какой мере данные этой грамоты могут быть распространены на всю империю и не является ли описанный в ней казус уникальным. Со случайным характером источников приходится мириться всем, кто занимается историей средних веков.

Липшиц указывает далее, что применительно к истории VIII—IX вв. действует дополнительный фактор, еще более усиливающий элемент случайности при статистической обработке нумизматического материала: борьба иконоборцев и иконопочитателей, приводившая к изъятию из обращения и перечекалке монет политических противников. Думаю, что значение этого фактора не следует преувеличивать: ведь монеты во все времена служили сырьем для новых⁵⁸, независимо от того, были ли они выбиты при политических противниках или нет — за исключением, разумеется, монет, потерянных или зарытых (но как раз эти монеты и доходят до нумизмата).

Кроме того, самое представление о непрерывной перечекалке иконоборцами монет иконопочитателей и наоборот весьма сомнительно: например, клад IX в. в Лагбе (Памфилия) содержит, наряду с монетами иконоборцев, также 15 монет Никифора I и 2 монеты Михаила I⁵⁹ — следовательно, монеты иконоборцев и иконопочитателей находились в обращении в одно и то же время. Далее, клад в Лагбе содержит, помимо монет Феофила и других императоров IX в., также большое количество монет ранних иконоборцев (26 монет одного только Константина V) — это также противоречит мнению Липшиц о перечекалке, согласно которому монеты Константина V должны были быть перечеканены после восстановления иконопочитания Ириной.

Наконец, Липшиц ссылается на две работы, которые, по ее мнению, опровергают проделанные мной расчеты, — на уже цитированную статью И. В. Соколовой и на статью Острогорского⁶⁰. «Аргументация Г. А. Острогорского по этому вопросу представляется мне трудно оспоримой», — замечает Липшиц (стр. 89, прим. 4). Однако, как я уже старался показать, основные возражения Острогорского основаны на простой ошибке: вместо того, чтобы подсчитывать реальное количество сохранившейся золотой монеты, он подсчитывал количество сохранившихся *типов* монеты, а это, конечно, не может служить показателем оживленности обращения⁶¹.

Сложнее обстоит дело со статьей Соколовой. Соколова выступила с очень интересной теорией, по которой большое количество зарытых кладов есть показатель полити-

⁵³ А. П. К а ж д а н. Византийские города в VII—XI вв. СА, 21, 1954, стр. 187.

⁵⁴ E. K i r s t e n. Die byzantinische Stadt. «Berichte zum XI. Byzantinisten-Kongress». München, 1958, S. 27. Ср. D. P a l l a s. Τα ἀρχαιολογικά τεμῆρια τῆς καθύδου τῶν βαρβάρων εἰς τὴν Ἑλλάδα. «Ἑλληνικά», ч. 14, 1955, сел. 95.

⁵⁵ А. П. К а ж д а н. Деревня и город. . . , стр. 247.

⁵⁶ А. Л. Я к о б с о н. Раннесредневековый Херсонес. М.—Л., 1959, стр. 361. Ср. также вышедшую уже в 1961 г. работу: Д. Л. Т а л и с. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья. ВВ, XVIII, 1961, стр. 61 и сл.

⁵⁷ P. C h a r a n i s. The Significance of Coins as Evidence for the History of Athens and Corinth in the VII-th and VIII-th Century. «History», 4, 1955, p. 169 f.

⁵⁸ И. Г. С п а с с к и й. Русская монетная система. М., 1960, стр. 5.

⁵⁹ E. T. N e w e l l. The Byzantine Hoard of Lagbe. N. Y., 1945. Странным образом И. В. Соколова («Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—XI вв.», ВВ, XV, 1959, стр. 62) утверждает, будто в состав этого клада входили исключительно монеты императоров-иконоборцев.

⁶⁰ G. O s t r o g o r s k y. Byzantine Cities in the Early Middle Ages. DOP, 13, 1959.

⁶¹ А. П. К а ж д а н. Деревня и город. . . , стр. 269 и сл. Ср. е г о ж е. ВИ, 1960, № 8, стр. 208 и сл.

чешской неустойчивости в стране, тогда как малое количество кладов — показатель стабилизации⁶². При всем остроумии этой гипотезы она, однако, противоречит фактам. Во-первых, период уменьшения количества кладов в Византии точно совпадает с периодом уменьшения монетных находок из систематических раскопок: с конца VII в. уменьшается не только число кладов, но и число монет, найденных при раскопках ряда византийских городов⁶³. Во-вторых, вывод Соколовой не соответствует ее собственным данным. По данным Соколовой, не засвидетельствованы клады в Сирии и Северной Африке, зарытые во времена Юстиниана I⁶⁴, однако хорошо известно, что на территории Сирии и в Северной Африке в ту пору войны и обстановка вполне «благоприятствовала» зарытию кладов. На Балканском полуострове в VII в. было крайне беспокойно (напомню хотя бы неоднократную осаду славянами Солуни, войны за Коринф) — тем не менее Соколова насчитала всего два клада этого времени на Балканском полуострове, тогда как при Юстиниане I, когда положение империи было более прочным, ей известно 18 кладов⁶⁵. Думается, на основании этих цифр мы вправе сделать вывод о стабилизации положения на Балканском полуострове в VII в.

В отличие от Соколовой И. Г. Спасский считает зарывание кладов нормальным явлением в хозяйственной жизни средневековья⁶⁶.

Наконец, Липшиц утверждает, что статистический («формально-статистический», как она говорит) метод неприменим к памятникам материальной культуры и искусства. Пусть так. Но разве не нуждается в объяснении отмеченное Р. Стивенсоном ухудшение качества константинопольской керамики в VII—VIII вв. и ее улучшение с середины IX в.⁶⁷ Разве не является археологически установленным фактом запустение Афины, Коринфа, Пергама, Херсона как раз в VIII и первой половине IX в.? Разве не факт, что данных о монументальном строительстве VIII — первой половины IX в. у нас почти нет? Разве не факт, наконец, что арабский писатель IX в. ибн-Хордадбех знает в Малой Азии лишь пять городов?

Естественно было бы ожидать, что в новой работе Липшиц расширит фактический материал, на который она опиралась в 1953 г., и учтет новые факты, вошедшие в оборот после опубликования ее статьи. Однако, вопреки ожиданиям, основная часть третьей главы (стр. 91—117) представляет собой изложение текста статьи 1953 г. с очень незначительными изменениями; в частности, сняты данные о монетных находках в Афинах и Коринфе⁶⁸ — данные, свидетельствующие о сокращении товарности хозяйства в этих городах⁶⁹. За исключением нескольких ссылок, расширение фактического материала, касающегося большого спора о судьбах византийского города в VIII—IX вв., свелось к краткому пересказу статьи Острогорского (стр. 115 и сл.). К тому же собранный им материал свидетельствует о существовании городов-крепостей и епископальных центров⁷⁰, а отнюдь не городов — центров ремесла и торговли.

На мой взгляд, сама скудость собранных Липшиц сведений является лучшим свидетельством упадка городов: добрую половину главы исследовательница посвятила довольно далекому от нашей проблемы памятнику — «Морскому закону» (стр. 96—103), а в остальных частях постоянно обращается то к более ранним, то к более поздним источникам. Так, Стоби она характеризует преимущественно по данным IV—V вв. (стр. 112), Верию, Сливну, Ямполъ — по данным X—XI вв. (стр. 94, прим. 23), Марицу — по данным XII—XIII вв. (стр. 94, прим. 24—25), а Энос — по данным XV в. (стр. 111, прим. 90) и т. д.

Четвертая глава посвящена социально-экономической структуре византийского общества VIII—IX вв. — вопросу, который впервые стал предметом специального исследования. Е. Э. Липшиц характеризует здесь различные классы и прослойки, от рабов (стр. 119 и сл.) по фемийно знати (стр. 125 и сл.). При этом она полагает, что

⁶² И. В. Соколова. Клады византийских монет. . . , стр. 63.

⁶³ Редкость монет 668—867 гг. из раскопок отмечает и Ф. Грирсон (Ph. Grierson. Coinage and Money in the Byzantine Empire. 498 — с. 1090. «Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo». Spoleto, 1961, p. 446, n. 88).

⁶⁴ И. В. Соколова. Клады византийских монет. . . , стр. 52.

⁶⁵ Там же, стр. 52, 55.

⁶⁶ И. Г. Спасский. Ук. соч., стр. 6 и сл.

⁶⁷ R. Stevenson. The Pottery. 1936—1937. The Great Palace of the Byzantine Emperors. Oxford, 1947, p. 33 f.

⁶⁸ См. Е. Э. Липшиц. К вопросу о городе. . . , стр. 128 и сл.

⁶⁹ См. также М. Thompson. Coins (The Athenian Agora, vol. II). Princeton, 1954, p. 4 f. Автор отмечает ничтожное количество монетных находок VIII—IX вв. в Афинах, указывая вместе с тем, что большому количеству монет X—XII вв. соответствует и обилие археологического материала, свидетельствующего о подъеме городской жизни. Данные нумизматики и археологии, таким образом, совпадают.

⁷⁰ О городах-бургах см. E. Kirsten. Die byzantinische Stadt, S. 20. Ср. D. Zachinos. Le despotat grec. . . , vol. II, p. 160.

в VIII—IX вв. «формировались господствующий и эксплуатируемые классы развивающегося феодального общества» (стр. 117). Тезис этот — на мой взгляд, верный — находится, однако, в известном противоречии с концепцией Липшиц: трудно представить себе, что общество доживало уже второй этап в истории феодализма, а основные классы феодального общества все еще только «формировались».

Весьма интересно рассматривает автор классовую природу византийского государства в VIII—IX вв., интересны также соображения об иерархической системе византийской бюрократической машины (стр. 123)⁷¹. В этой же главе затронуты вопросы о фемном строе (стр. 124 и сл.), о бюджете и налогах (стр. 126 и сл.), об уровне жизни трудящихся (стр. 129 и сл.).

К сожалению, эти большие проблемы, имеющие принципиальное значение для всей концепции автора, нередко затронуты мимоходом. О генезисе фемного строя Липшиц замечает: «Вопрос о развитии фемного строя продолжает дискутироваться в византиноведении» (стр. 124, прим. 30), но в чем состоит дискуссионность вопроса, мы не узнаём. А ведь для западной историографии вопрос о генезисе фемной системы — важнейший компонент проблемы общественного переустройства VII в. Произошла ли в VII в. коренная ломка административного строя, как полагал Острогорский, или фемы сложились еще в юстиниановскую пору, как утверждает Караяннопулос⁷², — это весьма существенно для понимания всех судеб империи. В другом месте книги (стр. 11, прим. 26) Липшиц безоговорочно присоединяется к мнению Караяннопулоса⁷³, но не приводит никаких аргументов; а ведь известно, что точка зрения Караяннопулоса не является ни общепринятой, ни господствующей⁷⁴. Нечетко изложен и вопрос об изменении податной системы в VII—VIII вв. Рассмотрев точку зрения Острогорского, Липшиц отмечает: «Вопрос остается спорным» (стр. 127, прим. 36), но в чем спор и на чью сторону склоняется автор, неясно⁷⁵. Вопрос об эпиболе, напротив, решается вполне категорично: «Недавняя попытка А. П. Каждана доказать, что ἐπιβολή в VII—VIII вв. не применялась, должна быть признана необоснованной, так как она не учитывает данных Земледельческого закона» (стр. 127, прим. 39). Не вдаваясь в спор по существу, отмечу лишь, что речь идет не о «недавней попытке А. П. Каждана», а о старой точке зрения А. Монье; что соответствующие данные Земледельческого закона были предметом специального анализа и у Монье, и в моей работе⁷⁶; что Липшиц не обратила внимания на приведенные мной свидетельства источника о двух (неудачных) попытках *восстановления* системы круговой поруки (это было бы, конечно, невозможным, если бы эпиболо продолжала существовать в VIII в.).

Второй раздел книги открывается пространной главой, посвященной павликианству. Липшиц подробно характеризует греческие источники, свидетельствующие о павликианском движении, рассматривает историю павликиан (до середины IX в.), территориальное распространение павликианства и его идеологию. Убедительно показано, что павликианство «вырастает в IX в. в мощное народное восстание» (стр. 160). Позволю себе лишь несколько частных замечаний.

Среди источников по истории павликианства Липшиц называет и «агиографические сочинения» (стр. 133), но, к сожалению, почти не использует греческих житий при описании истории павликиан. Это ведет иногда к неточности. Так, на стр. 168 Липшиц пишет, что жестокие преследования павликиан «начались» сразу же после смерти Феофила, но «Житие Макария» свидетельствует, что и при Феофиле в тюрьмах содержались павликиане⁷⁷.

Круг греческих источников можно было бы расширить еще за счет «Библиотеки» Фотия: содержащиеся в ней сведения о «манихеях», кстати сказать, являются лишним

⁷¹ Ср. также Н. W. Haussig. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959, S. 209. По мнению Г. Хауссига, иерархическая структура чиновничества — симптом феодализма.

⁷² J. Karayannopoulos. Entstehung der Byzantinischen Themenordnung, S. 63 f.

⁷³ Подробнее о генезисе фемного строя см. Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах. . . , стр. 106.

⁷⁴ См. рецензию Острогорского на книгу Караяннопулоса (G. Ostrogorsky. VSWG, 47, 1960, S. 262).

⁷⁵ При этом Липшиц неточно переводит τέλος как поземельный налог, тогда как в действительности τέλος — это l'impôt en général (N. G. Svoronos. Recherches sur le cadastre byzantin. BCH, 83, 1959, p. 24).

⁷⁶ А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. ВВ, X, 1956, стр. 61 и сл. Такой знаток Земледельческого закона, как Ж. Малафосс, также считает, что этот памятник не упоминает эпиболу (J. de Malafosse. Le droit agraire au Bas Empire et dans l'Empire d'Orient. «Rivista di Diritto Agrario», I, 1955, p. 55 sq.).

⁷⁷ AB, 16, 1897, p. 159.8.

аргументом в пользу аутентичности антипавликианского трактата Фотия ⁷⁸. Историко-графический обзор обрывается на работах А. Грегуара (стр. 140); появившиеся в 50-х годах статьи М. Лооса, И. Шарфа, Ф. Шайдвайлера упомянуты в примечании (стр. 132, прим. 2; ср. стр. 138, прим. 25), но их аргументы не используются при критике Грегуара. Вопрос об организации павликианской общины в книге не затронут, а специальная статья Р. М. Бартияна ⁷⁹ на эту тему не упомянута. Смерть Хрисохира датируется на «ок. 870 г.» (стр. 139), а точно — 872 г. Постановления Двинского собора 554 г. не могут относиться к павликианам (стр. 140), так как в них идет речь о лицах, принимающих причастие ⁸⁰. Нерсес III был католиком не до 668 г. (стр. 144), а до 661 г. Нечетко сказано (стр. 143, прим. 34), что Иоанн Одзунский (на стр. 148 — Отцунский) был католиком «в 718 г.» — надо: «в 717—728 гг.» Непонятна ссылка на «Эпос о Дигенисе» (стр. 159): «строфы 187—195» — как известно, эпос ни в одном издании не делится на строфы; к тому же Е. Э. Липшиц не указывает, какую версию она имеет в виду (можно догадаться, что речь идет о Трапезундской версии, где *строки* 187—198 посвящены подвигам Хрисоверга-Хрисохира, а отнюдь не только его «гордому ответу», как сказано у Липшиц).

Обширная глава об иконоборчестве представляет собой последовательное рассмотрение борьбы иконопочитателей и иконоборцев — от подготовки эдикта Льва III (стр. 173) до восстановления иконопочитания в 843 г. (стр. 212). По мнению Липшиц, «на необходимость проведения реформы правительство толкало не столько внешняя опасность, которую в это время переживала империя, сколько страх перед высокой волной народных восстаний» (стр. 196). В связи с этим Липшиц подчеркивает использование иконоборцами лозунгов, «популярных в народных массах востока империи» (стр. 185), считая, что правительство стремилось «снизить доверие и поддержку народных масс» (стр. 190), что павликиане нередко действовали в союзе со столичными иконоборцами (стр. 169; ср. стр. 211) ⁸¹. С этой мыслью Липшиц связано ее представление о том, что в IX в. иконоборчество не только не теряло под собой почву, но наоборот — все более расширялось (стр. 204). Дальнейшее нарастание народных движений приводит к «угрозе существующему общественному строю», заставляя представителей господствующего класса «снять с очереди вопросы церковных разногласий» (стр. 209).

Признавая весьма интересной мысль Липшиц об обусловленности судеб иконоборческого движения нарастанием народных движений, я бы хотел, тем не менее, отметить, что эта мысль проведена в рецензируемой книге с излишней прямолинейностью. Получается, что рост народных движений вызвал к жизни и борьбу иконоборцев с иконопочитателями, и их примирение. К тому же нельзя не видеть, что массовые народные движения приходятся лишь на IX столетие.

Далее, в главе отсутствует специальная характеристика идеологии иконоборцев и ее связи с христологической проблемой. Вопрос о социальной природе иконоборческого движения также нуждается в уточнении. Я начну с частного замечания. На стр. 185 Липшиц пишет: «Никифор в своем „Большом Апологетике“ дает чрезвычайно яркую характеристику социального состава иконоборческой партии, на которую ранее не было обращено внимания»; к сожалению, это неверно: в 1958 г. П. Александер в специальной главе «Социальный состав иконоборческой партии» дал английский перевод и подробный комментарий соответствующего места ⁸². Кстати сказать, так называемый «Большой Апологетик», написанный, скорее всего, в 825—828 гг. ⁸³, используется Липшиц для характеристики иконоборческой партии при Константине V.

На мой взгляд, Липшиц не уделила должного внимания и работе Сюзюмова, специально посвященной иконоборчеству. Эта работа, вышедшая в 1948 г., содержит четкую характеристику социального состава иконоборцев и иконопочитателей и периодизацию истории иконоборчества. По мнению Сюзюмова, императоры-иконоборцы, опираясь на провинциальную знать, стремились к централизации государствен-

⁷⁸ См. А. П. К а ж д а н. Социальные и политические взгляды Фотия. «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», 2, 1958, стр. 115, прим. 45.

⁷⁹ Р. М. Б а р т и я н. К вопросу об организации павликианской общины. «Историко-филологический журнал», 1958, № 3.

⁸⁰ Р. М. Б а р т и я н. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961, стр. 26 и сл. Эта работа не могла быть использована Липшиц, но выводы Бартияна известны ей по автореферату; однако она ограничивается простым упоминанием о них (стр. 140, прим. 28), не принимая и не проверяя.

⁸¹ В старой работе (Е. Э. Л и п ш и ц. Павликианское движение. . . , стр. 71 и сл.) исследовательница убедительно показала, что между иконоборцами и павликианами «имелось существенное принципиальное различие» (ср. также Р. М. Б а р т и я н. Источники. . . , стр. 68). Анализ этого различия из рецензируемой книги исключен. Тем самым автор невольно «демократизирует» иконоборческое движение.

⁸² Р. A l e x a n d e r. The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Oxford, 1958, p. 114 f.

⁸³ Р. A l e x a n d e r. Op. cit., p. 186. Об этом памятнике см. *ibid.*, 167 f.

ного аппарата, изымая с этой целью *res sacrae*⁸⁴; если на первых порах иконоборцы, чувствуя себя неокрепшими, искали поддержки масс, то в IX в. провинциальная знать ведет политику натиска на крестьянство, что приводит, в частности, к восстанию Фомы Славянина⁸⁵.

В историографическом введении к главе об иконоборчестве Липшиц кратко упоминает о монографии Сюзюмова, оценивая его взгляд как «односторонний и спорный». После этого она замечает: «Другой взгляд на сущность этой проблемы аргументирован ниже» (стр. 172). Казалось бы, мы могли ожидать, что автор постарается подробно обосновать свое мнение и показать ошибочность аргументов Сюзюмова, но о Сюзюмове в этой главе исследовательница больше не вспоминает, на его работу нет больше ни одной ссылки. Даже на стр. 194, где Липшиц — в отличие от Сюзюмова — утверждает, что при иконоборцах «церковные угодья продавались или изымались», она не полемизирует со своим предшественником; естественно, что это ослабляет ее аргументацию. Действительно, Липшиц ссылается на постановления VII собора, но приводимые ею тексты говорят лишь о *запрещении продавать церковные угодья*, а запрещение продавать церковные земли неоднократно подтверждалось каноническим правом независимо от иконоборчества. Что же касается постановления собора 754 г., которое также цитирует Липшиц, то оно определенным образом говорит о священных сосудах, иконах, покровях. т. е. именно о *res sacrae*, а не о земле. Доказывая, что монахи-иконопочитатели и обладали богатствами и эксплуатировали зависимых крестьян, Липшиц приводит обличения Иоанна Иерусалимского, направленные против *иконоборцев* (стр. 190 и сл.)⁸⁶. Мне думается, что открытая полемика с конкретными аргументами Сюзюмова была бы более полезной, чем вскользь брошенный упрек в односторонности.

Раздел завершается третьей главой (о восстании Фомы Славянина), где автор хорошо выясняет социальные корни и движущие силы восстания и подробно описывает его ход. Ограничусь лишь несколькими частными замечаниями.

В начале главы Липшиц упрекает исследователей в том, что движение, возглавленное Фомой, было ими увязано с другими современными народными движениями; этот недостаток, продолжает она, присущ и ее статье 1939 г. (стр. 213, прим. 4). Остается неясным, преодолен ли, по мнению автора, этот недостаток в рассматриваемой главе, которая лишь «с небольшими изменениями» (стр. 212, прим. 1) воспроизводит указанную статью. Мне кажется, что и в ней речь не идет о других народных движениях, если не считать одного абзаца (без ссылок на источники), где говорится о восстании славян до и во время восстания Фомы. Однако этот абзац неточен: вопреки утверждению Липшиц, Константин Багрянородный ничего не знает о восстании славян близ Солуни в то время, но зато упоминает о восстании славян в Пелопоннесе около 841 г.⁸⁷ «Житие Григория Декаполита» также сообщает не о восстании 20-х годов, а о восстании около 836—837 гг.⁸⁸ Да и павликианское движение рассматривается Липшиц, как мы видели, в особой главе. На мой взгляд, в работе Сюзюмова связь восстания Фомы с другими движениями того времени проступает не менее отчетливо⁸⁹.

Вопроса о пересмотре даты восстания Фомы⁹⁰ Липшиц не затрагивает. В третьей главе она вообще не приводит даты его начала, а на стр. 154 указывает без каких-либо аргументов традиционную дату. Гораздо больше можно было бы привести свидетельств современников о размахе восстания, чем это сделано на стр. 214: автор не использовал, например, ни одного из агиографических свидетельств⁹¹. Письмо Михаила II Людовика Благочестивому лучше бы цитировать не по старому изданию Барония (стр. 214, прим. 5), а по критическому изданию: MGH, Legum sectio III. Concilia, t. II, pars II, 1908. Кстати сказать, из этого письма следует, что Армениак (*totum Armoeniae ducatum*) — вопреки Липшиц (стр. 219) — был охвачен восстанием.

Следующий раздел состоит из двух глав: первая называется «Эклога», однако содержит характеристику не одной только Эклоги, но также Военного закона (стр. 247 и сл.), Земледельческого закона (стр. 249 и сл.) и Морского закона (стр. 251) (последние два памятника более подробно были охарактеризованы во второй и третьей главах первого раздела); во второй главе рассматриваются отдельные эдикты двух императоров: Льва III и Никифора I. Характеризуя значение Эклоги, Липшиц пишет:

⁸⁴ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества. . . , стр. 70.

⁸⁵ Там же, стр. 74.

⁸⁶ Этот источник был использован в соответствующем месте М. Я. Сюзюмовым (там же, стр. 81).

⁸⁷ De administrando imperio, cap. 50.6—9. О дате см. R. J. H. Jenkins. The Date of the Slav Revolt in Peloponnese under Romanus I. «Studies in Honor of A. M. Friend». Princeton, 1955, p. 204, n. 3.

⁸⁸ См. «Византиски извори. . . », 1, стр. 255.

⁸⁹ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества. . . , стр. 74.

⁹⁰ А. П. Каждан. Деревня и город. . . , стр. 350, прим. 6.

⁹¹ См. сводку Ж. Луйе в кн.: A. A. Vasiliev. Byzance et les Arabes. Bruxelles, 1935, p. 431.

«Хотя Эклога и не ломала установленного порядка вещей, но она внесла много нового в действующее законодательство, развивая далее те тенденции, которые были уже заложены в праве VI и предшествующих веков» (стр. 232; ср. стр. 237). Вместе с тем издание Эклоги рассматривается как попытка реформы (стр. 234), которая не осталась одной декларацией, но «была, по-видимому, проведена в жизнь» (стр. 235); к концу IX в. «после победы реакции» «все новшества Эклоги» были отменены (стр. 236). В этой характеристике Эклоги есть внутренняя противоречивость: действительно, были ли нормы Эклоги развитием тенденций позднеримского права или же результатом реформы — к тому же отмененной как раз тогда, когда отчетливо выявилось стремление к «очищению», к рецепции римского права?

Липшиц убедительно критикует Г. Шельтема, отрицающего вовсе наличие новых норм в Эклоге (стр. 232). Новые черты были, пожалуй, даже более значительными, нежели полагает Е. Э. Липшиц; так, Эклога (а равно и Земледельческий закон) содержат совершенно новую систему определения наказания, заранее устанавливая точный штраф за каждое преступление⁹². Не решая здесь вопроса о происхождении подобной системы, отмечу только, что она в полной мере соответствует системе штрафов в варварских правах. Иначе, чем в римском праве, рассмотрен в Эклоге вопрос об имущественных правах вдовы, оставшейся с детьми, о совладении братьев⁹³ и т. д. Эти и аналогичные нормы, отражавшие изменения, которые происходили в действительности, следует, однако, отличать от широковещательных заявлений авторов Эклоги о их стремлении к правосудию и к борьбе с лихоимством. Подобные заявления делались самыми различными законодателями, и их наличие еще не дает оснований для того, чтобы говорить о действительной реформе — тем более, что мы не располагаем источниками для проверки заявлений авторов Эклоги⁹⁴.

Несколько неясной остается характеристика законодательства императрицы Ирины. На стр. 236 мы читаем, что Ирина отменила «установки Эклоги», однако в опубликованной в 1961 г. статье Липшиц писала, что новелла Ирины развивала право «в направлении, намеченном Эклогой»⁹⁵. Жаль поэтому, что во второй главе раздела автор не рассмотрела специально новеллу Ирины, ограничившись лишь законами Льва III и Никифора I⁹⁶.

Большой раздел «Литература, наука и просвещение» состоит из введения и четырех очерков, посвященных отдельным представителям литературы и науки VIII—IX вв. Здесь Липшиц решительно выступает против пренебрежительной оценки литературы иконоборческой эпохи и говорит о «значительной творческой деятельности византийских писателей» того времени; правда, она признает, что деятельность эта была ограничена (в частности тематикой), и видит причину этой ограниченности в политике правительства Юстиниана I и его преемников (стр. 261). Ниже Липшиц еще решительнее говорит о том, что литература VIII—IX вв. оставалась в целом верной традициям и скванной «привычными схемами и шаблонами» (стр. 265).

Проблема византийской литературы — одна из самых насущных в византиноведении. Вышедшая в 1897 г. «История византийской литературы» К. Крумбахера — при всей колоссальной учености автора — остается лишь справочником (то же самое, по сути дела, можно сказать и о новой книге Г. Бекка, посвященной богословской литературе⁹⁷). Социальная сущность, связь литературы с проблемами своего времени, эстетические идеалы авторов — все это, как правило, не исследуется, отступая перед узкими задачами текстологической критики, установления внешней канвы жизни писателя и определения формальной преемственности. Липшиц, напротив, ставит

⁹² См. об этом также В. S i n o g o w i t z. Die Tötungsdelikte im Recht der Ekloge Leons III. des Isauriers. ZSav. Rom., 74, 1957, S. 317 f.

⁹³ N. P. M a t z e s. Ἀνάγκη καὶ ἐκ τῆς Ἐκλογῆς τῶν Ἱσαύρων. ΕΕΒΣ, 28, 1958, σελ. 270 ἐξ., 280 ἐξ.

⁹⁴ Это отмечено и самой Липшиц («О социальной сущности судебной реформы. . .», стр. 136).

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Совсем в другой связи (стр. 200) Липшиц говорит об отмене Ириной ряда податей. Кажется, было бы целесообразнее в разделе о законодательстве дать сводку известий о законах Ирины (как, впрочем, и всех других императоров), а не только Льва III и Никифора I.

⁹⁷ Н. G. В е с к. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. Липшиц, к сожалению, не отмечает ряда расхождений с книгой Бекка; так, на стр. 270 она относит рождение Никифора к 741—775 гг., тогда как у Бекка (стр. 489) приведена более точная дата — «около 750 г.» (ср. P. J. A l e x a n d e r. Op. cit., p. 54); у Бекка (стр. 490) идет речь о сочинении Никифора против евреев, катафригидцев и манихеев, а не просто «против манихеев», как пишет Липшиц (стр. 276); низложение Иоанна Грамматика отнесено Бекком не к 842 (стр. 300), а к 843 г. (Н. G. В е с к. Op. cit., S. 499); годы жизни Андрея Критского — не к 650—720 гг. (стр. 417), а примерно к 660—740 гг. (Н. G. В е с к. Op. cit., S. 500).

литературу VIII—IX вв. в связь с общественной борьбой тех столетий, вступая на новый и потому чрезвычайно интересный и сложный путь.

И сразу же возникает вопрос: почему автор ограничивает себя рассмотрением лишь нескольких (и не самых главных) деятелей культуры VIII—IX вв.? Почему лишь мимоходом охарактеризованы Иоанн Дамаскин (стр. 266 и сл.) и Феодор Студит (стр. 264), игравшие наиболее крупную роль в идейной жизни того времени? Почему подробно говорится о «Бреварии» Никифора (стр. 276—296), о памятнике, который «не открывает никаких новых путей» (стр. 296), а касаясь Феофана, Липшиц ограничивается лишь небольшой цитатой из К. Н. Успенского (стр. 264)? Почему бегло, без ссылок охарактеризовав агиографию VIII—IX вв. (стр. 261 и сл.), автор так подробно останавливается на анализе житий, принадлежащих одному Игнатию (стр. 304)?

Как же доказывает Липшиц основной тезис этого раздела — о творческом подъеме литературы в VIII—IX вв.? Рассмотрим в качестве примера четвертую главу раздела — о поэте Касии. Автор подробнейшим образом описывает биографию Касии (стр. 309—318). Далее излагается содержание эпиграмм Касии: мы узнаем, что некоторые из ее изречений проникнуты пессимизмом (стр. 319), что она бичует глупость (стр. 320), что у нее есть сентенции на морально-этические темы (стр. 322), что ее стихи носят преимущественно светский характер (стр. 325). Эти сюжеты признаны оригинальными (стр. 328). Подводя итоги разбору, Липшиц убедительно пишет об отсутствии у Касии «широкого жизненного опыта» (стр. 330), об «узко ограниченном характере» ее интересов (стр. 331); форма ее двустийши названа неуклюжей (стр. 319). Даже если мы признаем после этого, что Касия действительно «отдавала дань требованиям времени» (стр. 335), может ли все это хоть в какой-то мере поколебать традиционное представление о культурном упадке в VIII—IX вв.?

Для того чтобы отчетливее почувствовать этот упадок, достаточно сравнить творческие приемы писателей VIII—IX вв. с приемами их предшественников или преемников, с Прокопием (VI в.), с Михаилом Пселлом (XI в.)⁹⁸. Почему бы не сравнить ту же Касию с Романом Сладкопевцем (VI в.) или Христофором Митиленским (начало XI в.)?

Лишь с середины IX в. начинается культурный подъем Византии — и в этом отношении последняя фигура, на которой останавливается Липшиц, действительно заслуживает глубокого внимания. Это — Лев Математик, которого можно считать одним из основоположников алгебры, поскольку он впервые применил буквы как алгебраические символы⁹⁹. Но Лев Математик, руководитель основанного кесарем Вардой университета, принадлежит уже другому периоду — тому, на который приходится деятельность и такого византийского эрудита, как Фотий¹⁰⁰.

Детальное рассмотрение книги Липшиц, как мне кажется, не позволяет признать ее выводы бесспорными. Напротив, не менее вероятной можно считать иную картину. В VII в. в результате внутренних процессов и вторжений славян и других народов Византия переживает серьезные перемены; с одной стороны, это распространение мелкого общинного землевладения, с другой — экономический и политический крах античного полиса. О крупной собственности до середины IX в. мы почти ничего не слышим и во всяком случае ничего не знаем о феодальной ренте и феодальных институтах; скорее всего, немногочисленные крупные владения носили переходный характер, основываясь частично на рабском труде, частично на эксплуатации полувисимых арендаторов (мортигов и ипольщиков) или лишенных связи земли и порвавших связь с общиной мистив. Это было время формирования раннефеодальных отношений. Крестьяне обладали свободой перехода, а круговая порука при уплате податей исчезла; поэтому мы вряд ли можем считать их зависимыми людьми государства, а их налог централизованной рентой (она сложилась несколько позднее, когда свободное крестьянство было разделено на определенные категории, прикреплено к земле и обязано было отвечать за повинности выморочных участков). Лишь с IX в. централизованный натиск на крестьянство приводит к острой вспышке классовой борьбы — сперва к восстанию Фомы, затем к наступлению павликиан при Карвее и Хрисохире.

Иконоборчество, в отличие от павликианства, было движением, затронувшим прежде всего господствующий класс. Фемная знать стремилась покоячить с ослабев-

⁹⁸ Пример подобного сопоставления: R. Jenkins. The Classical Background of the Scriptorum post Theophanem. DOP, 8, 1954, p. 14 f. Р. Дженкинз показал принципиальное отличие образов, нарисованных Пселлом, и характеристик у хронистов X в. Но и эти хронисты, надо сказать, преследовали Никифора и Феофана.

⁹⁹ См. K. Vogel. Buchstabenrechnung und indische Ziffern in Byzanz. «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses». München, 1960, S. 661. На стр. 353 Липшиц утверждает, что в X в. сохранялись «дикивинки», изготовленные Львом, и ссылается на статью Г. Бретта, доказывающего, однако, как раз обратное.

¹⁰⁰ Липшиц сама справедливо говорит о том, что черты нового проявились особенно во второй половине IX столетия (стр. 366; ср. стр. 265), но вторая половина IX в. — это уже время за пределами избранной ею темы.

шим городским патрициатом (ведь города переживали упадок) и наложить руку на церковные сокровища в столице и крупных центрах; на первом этапе иконоборчество не встретило серьезного сопротивления внутри страны, а бегство иконопочитателей в сельские области усугубило ослабление городов. Когда первая задача была выполнена, иконоборчество потеряло первоначальную направленность и превратилось в благовидное прикрытие борьбы придворных клик: поэтому иконопочитатель Никифор мог проводить политику, близкую к централизаторским тенденциям Льва III и Константина V. Обострение классовой борьбы напугало господствующий класс и вынудило обе группировки к примирению; идеями иконоборцев, отвергавших один из существеннейших принципов христианского богословия, теперь пожертвовали. Никаких серьезных реформ императоры-иконоборцы не провели, хотя правовые памятники VIII в. и отразили некоторые изменения в общественном строе и юридическом мышлении.

Упадок античного полиса повлек за собой упадок образованности и культуры. Дело не только в ограничении творчества церковной тематикой, но прежде всего в том, что подражательность объявили высшей добродетелью писателя, а самостоятельность изгонялась и из мировоззрения, и из системы образов, и из языка. Как литературный жанр господствовала агиография с ее системой шаблонов, кочевавших из одного жития в другое, с ее проповедью терпения и смирения; историки не пытались разобрататься в сложности и противоречивости описанных событий, а оценивали их с примитивных и предвзятых позиций. Конечно, литература VIII—IX вв. отражала свое время, — но это было время упадка культуры.

Я рассмотрел — весьма детально и придиричиво — книгу Е. Э. Липшиц. При всех моих возражениях — более или менее частных — я должен еще раз повторить, что этот труд — синтетическое исследование большой исторической эпохи, эпохи крайне трудной для изучения. Книгу отличает целостность и последовательная концепция. Многие важные проблемы поставлены в этой книге впервые, другие — впервые нашли убедительное разрешение. В целом же книга Липшиц, систематизируя наши знания о Византии VIII—IX вв., помогает лучше понять эту далекую эпоху.

А. П. Каждан

BERTHOLD RUBIN. DAS ZEITALTER JUSTINIANS. PERSÖNLICHKEIT, REICHSIDEE, OSTPOLITIK.

Berlin, 1960, XVI + 539 стр., 16 таблиц, 11 карт

Над темой о Юстиниане автор работает больше 20 лет¹. В настоящее время Рубин является профессором византиноведения в Кельне; его специальность — история Византии и Восточной Европы². За рецензируемым томом последуют еще три³: т. II. Разгром вандалов и готов. Политика на Балканском полуострове. Общая оценка военного искусства; т. III. Административное устройство. Экономика. Общественный строй. История литературы. Светские науки. Право. История культуры и быта; т. IV. История церкви. Богословие. История искусства и мировое значение века Юстиниана.

Задачей автора является создание «Истории Восточноримского мира», и, говоря его собственными словами, в этой гоночной яхте на море исследований книга «Юстиниан» должна служить штурвалом, шверцами и килем⁴. Таким образом, рецензируемая книга охватывает целую эпоху, а именно VI век, являющийся важнейшим периодом между древностью и средневековьем.

Содержание I тома таково: 1. Введение; наследие прошлого; влияние других факторов, лиц и идей. 2. Юстиниан и Феодора. 3. Идея империи и критика императора. 4. Внешняя политика и война на Востоке.

Предисловие освещает прежде всего цели и методы исследования. Рубин ставит вопрос о назначении истории как науки. Он говорит: «Каждый век пишет историю прошлого по-новому. В эпохи больших катастроф взгляды на ход истории меняются особенно быстро. Сегодня человечество стоит перед дилеммой: гибель или триумфальное внедрение в космос. Может ли идти речь о будущем или нас ждут, как и в прошлом, бессмысленные гримасы? Работа, которая начинается настоящим томом, не будет заниматься проблемами будущего. Она посвящена изучению прошлого. Атомное уничтожение заботит автора столь же мало, как солдата вопрос „что будет после?“. Еще меньше его смущает оптимистическое мировоззрение наших дней, так как каждая

¹ См. введение, особенно стр. XI.

² Подготовительную работу к «Юстиниану» составляют: «Zwei Kapitel über Herrscherbild und Ostpolitik des Kaisers Justinian» (Diss. Berlin, 1938); «Der Untergang der Vandalen und Goten» (Berlin, 1941); «Fürst der Dämonen» (BZ, 44, 1951); «Theoderich und Justinian» («Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». München, 1953) и главным образом статья «Prokop» в RE (1954).

³ Так объявлено издательством.

⁴ См. введение, стр. XII.